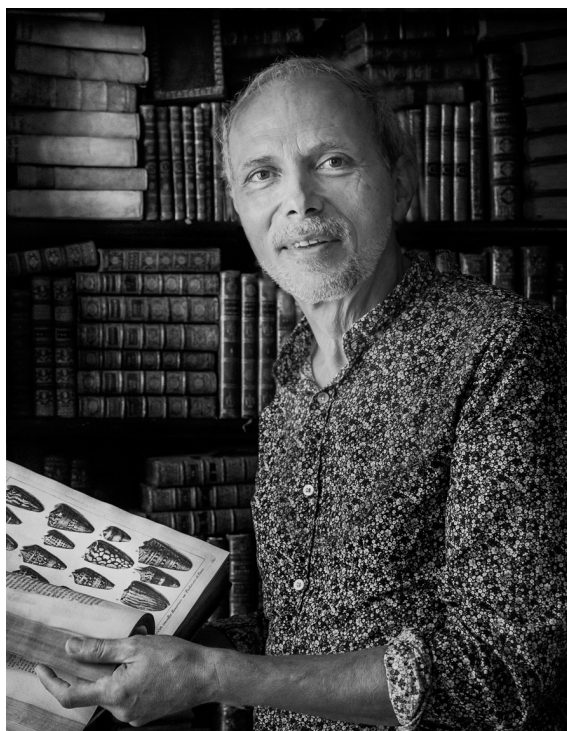

КРИСТОФ ЭРВЕ (Christophe Hervet, род. в 1956 г.) — ветеринарный врач, закончил высшую Национальную ветеринарную школу в Мезон-Альфор. Живёт во Франции, работает в частной ветеринарной клинике 18 округа Парижа вместе со своим коллегой доктором Пуже. Клиника совсем небольшая, состоит из приёмной, кабинета, смотровой и операционной. В своей профессии является одним из лучших многопрофильных специалистов. Вот отзыв хозяйки постоянного пациента клиники Пуже-Эрве: «Врачи клиники действуют результативно, они очень ласковы и терпеливы с животными. У моего кота опухоль, которая грозит перерасти в злокачественную. Ветеринар каждый месяц тщательно проверяет, не появились ли изменения, и даже не берет денег за консультации! И сами тарифы вполне приемлемы. Не удивляйтесь, когда увидите развалившегося в приёмной огромного кота — он постоянно живёт при клинике...». Или другой отзыв: «Я много лет остаюсь

верен этой клинике... Сотрудники её всегда честны, ответственны, располагают к себе. Все они сердечно заботятся о благе животных и очень тактично и мягко ведут себя с хозяевами...». Ещё один клиент, принёсший голубя с перебитой лапкой, рассказывает, что доктор Эрве два часа делал операцию птице, чтобы сохранить эту лапку! И денег за это, разумеется, не взял, потому что птица была подобрана на улице. И таких историй можно рассказать о нём очень много.

Помимо своей основной профессии, Кристоф Эрве является оригинальным мыслителем и писателем, знатоком современной науки, философии, искусства, поэзии. Круг его интересов представляет собой редкостное для сегодняшнего дня универсальное соединение научной и гуманитарной деятельности. В своих научных взглядах он в большей степени ламаркист, нежели дарвинист. Много лет он занимается рисунком в различных парижских мастерских, переводит с немецкого языка (недавно завершил полный перевод «Дуинских Элегий» Рильке), также

глубоко знает и исполняет музыку эпохи барокко. Кристоф Эрве женат, у него двое сыновей. Младший ещё школьник, а старший — художник, только что закончил Академию изящных искусств в Нанте.

Кристоф Эрве активно помогал лекарственными средствами приютам для животных в России. В 1997 году участвовал в экологической конференции в Петербурге, организованной Татьяной Горичевой. Статья «Животное как икона» является текстом его неопубликованного доклада.

БЫТЬ НА СТОРОНЕ ЖИВОТНЫХ

С доктором К. Эрве беседует Арина Кузнецова

— Доктор Эрве, скажите несколько слов о себе — вы пока не очень известны в России... О вашей деятельности, о вашем поколении.

— Не думаю, что когда-то буду известен! Вообще, я не любитель славы, я думаю, что быть незаметным — это прекрасно, мне искренне жаль людей, которые изо всех сил стремятся к известности... Мне нравится делать что-то для себя. Конечно, если говорить о художниках, им важно быть увиденными, выставляться, но что касается лично меня и того, что меня волнует во внутреннем плане, одним своим существованием приносит радость. Например, последние полтора года в любое свободное от работы время я очень интенсивно занимался переводом «Дуинских элегий» Рильке. Вполне возможно, что этот перевод никогда не увидит свет в виде книги. Может быть, я и сожалею об этом, но не жалею, потому что сам этот перевод стал для меня исключительным опытом. Я впустил в себя Рильке, существовал с ним всё это время. Это было благодатно — даже на телесном уровне, я в каком-то смысле на это время стал Рильке... И я считаю огромной привилегией иметь возможность творить ради того, чтобы понимать — зачем мы здесь, осуществляя некую психическую функцию. Выражать себя, раскрывать то, что в нас существует потенциально и самым естественным образом — как цветок, который непременно должен расцвести... Даже если потом он завянет — он уже раскрылся, исполнил то, что в нём было заложено. Я принадлежу к поколению, помнящему другое время, гораздо менее прагматичное. Мне жаль сегодняшних молодых людей, которые вынуждены участвовать в борьбе за существование по Дарвину, тогда как мы ещё могли себе позволить жить по Ламарку.

— Кристоф, номер «Русского мира», в котором публикуется ваша статья, как вы знаете, посвящён животным... Вы, кажется, единственный наш автор, который находится в каждодневных прямых отношениях

с животными, их жизнью и смертью... Расскажите, как и почему вы выбрали эту профессию?

— Мы существуем в мире — в человеческой ойкумене — друг с другом, с другими мужчинами и женщинами. Мы все связаны внутри своей культуры, между нами ткутся нити отношений, связей, но мы были бы полностью замкнуты в себе, если бы не существовало Другого, — иного, природного мира... Ещё совсем маленьким мальчиком я был поражён тем, что в мире есть другие существа, исполненные жизни, духа, совсем не похожие на меня, и что с ними возможна встреча. И в первую очередь, в моём случае, это касалось самых малых существ — червяков, муравьёв. Я проводил много времени возле муравейников, наблюдая за их жизнью, даже пытался участвовать в ней, строил им мостики, смотрел, как они добывают пищу, как общаются между собой. Возможно, на меня повлияла первая книга, которую я прочитал в детстве, она была не научная, конечно, но довольно точная в описательном смысле, — книга Мориса Метерлинка «Жизнь муравьёв». Она была исполнена поэзии, в ней не было ограниченности научных книг о природе. Впрочем, чем дольше я живу, тем меньше мне нравится научный подход к миру.

— Но в вашей профессии как раз науки было не избежать, особенно в годы учёбы, а это влекло за собой вполне определённые сопутствующие вещи — опыты на животных. Как вы относились к этому?

— Мой интерес распространялся на всю природу в целом, на растения тоже, я мог бы пойти изучать биологию, стать лесничим... Но я рано понял, что позитивное научное знание в этой области имело в своём основании какой-то изъян, какую-то страшную несправедливость. Уже в лице я это почувствовал, когда нас заставляли вскрывать мышей.

— Во французских лицах дети вскрывали мышей? А сейчас такая практика существует?

— Да, и тогда и сейчас. Сейчас, кажется, дети вскрывают мёртвых мышей. Что тоже вполне проблематично, потому что это является насилием по отношению к тайне смерти. Ребёнок, возможно, не может до конца осознать свои чувства, но инстинктивно он испытывает жалость к мёртвому тельцу. И вот, когда видишь маленькое животное, буквально распятое на специальных булавках, пришпиленное к пробковой поверхности, со всеми органами, вывернутыми наизнанку — в этом есть нечто чудовищное. И глубоко непристойное. С маленьким животным обошлись абсолютно хладнокровно, ледяной холод окутал это существо, не просто мёртвое, но лишённое в самой смерти своего естественного покрова. Я чувствовал

этот холод, и мне было очень тяжело. В то время ещё практиковали демонстрацию условных и безусловных рефлексов. Для этого брали живую лягушку, которая должна была оставаться живой в течение всего варварского эксперимента. Обычной швейной иглой тыкали ей в головку, якобы для того, чтобы разрушить мозг, чтобы разрушить центральную нервную систему, всё это с совершенно немислимой, бессмысленной жестокостью. Затем лапку лягушки опускали в серную кислоту, лапка дёргалась, и всё это для того, чтобы продемонстрировать наличие рефлекса, при этом лягушка уже не шевелилась.

И это только лицей, а что говорить о ветеринарной школе! Наш поток был разделён на восемь групп, следовательно, один и тот же опыт демонстрировался восемь раз. Скажем, речь шла о воздействии гормона адреналина на сердечную деятельность кролика. Нам приносили кролика в корзинке, все радовались — всё-таки большинство студентов шло в эту школу из любви к животным, а преподаватель брал его за уши, убивал одним ударом, всё с поразительной скоростью проделывалось, раз-два, вскрытие, — и мгновенно вырывал у кролика сердце! Не нам осуждать ацтеков. Далее вырванное сердечко, которое продолжало биться, потому что существует автономия миокарда (это одно из чудеснейших проявлений жизни вне тела, хотя сам кролик в тот момент был уже Бог знает в какой коме после пережитой невероятной боли, которая, надеюсь, была для него как вспышка света... Невообразимое насилие над жизнью!), помещали на пишущий инструмент, присоединяли провод, проецировали на большой экран и вводили адреналин. Опыт состоял в том, чтобы показать, насколько ускорилось сердцебиение и как изменилась кривая. Только для этого! Каждой группе демонстрировали двух кроликов — одного для адреналина, второго для атропина. Всего использовалось 16 кроликов — ради единственной ничтожной демонстрации.

— *И это только одно занятие...*

— Да, но всё же, учась на ветеринара, я был на стороне животных. Тогда как учёные-биологи убивают просто «ради знания».

— *Вы думаете, что от подобных опытов можно было бы отказаться?*

— Конечно, можно было бы законодательным путём наложить всемирный мораторий, приостановить движение адских галер науки, которая под предлогом необходимости эксперимента порождает неопишуемые страдания. Таким образом, всё наше познание имеет нечистое происхождение, и это — величайший грех цивилизации. Мне кажется, мы уже знаем достаточно, чтобы приостановить процесс, тем более что сам научный прогресс — явление довольно сомнительное; есть прогресс в дерматологии,

в космологии, но, к примеру, в токсикологии наблюдается значительный регресс. И продолжается конвейер смертей животных. Как любить науку, основанную на страдании? К тому же наука строит свою систему на числе, на расчёте, а ведь число — изобретение человека, в природе его не существует. Что меня смущает больше всего, так это наличие у науки очень опасного союзника — техники, которая, в отличие от науки, развивается очень эффективно, здесь число оказывается вполне производительным. Для меня остаётся загадкой — почему техника имеет такое влияние на мир.

— *Вы можете представить себе другую науку, основанную на других законах?*

— Хотелось бы, но пока, на мой взгляд, это невозможно. Я, признаюсь, продолжаю читать научные книги и статьи, но очень часто говорю себе, что без этих конкретных знаний вполне можно было бы обойтись. Конечно, многое можно делать через симуляцию органов и различные имитации, но не приведёт ли это к замкнутой на себя системе, оторванной от реальности? Не думаю, что это абсолютный выход. Я не вижу учёных-биологов, которые предложили бы что-то радикально иное.

— *Русские космисты предполагали совсем другой путь для человечества — путь преображения, возможность позитивного вмешательства в природу. Воспитание животных. Человек призван продолжать творение, но не так, как он делал это до сих пор.*

— Не думаю, что такой путь возможен, во всяком случае, в обозримом будущем. В природе творчество тоже продолжается, но не на индивидуальном, а на видовом уровне. Есть такая интересная вещь. Сравним два внешне очень схожих вида — мышь и землеройку. Терминологически это сходство определяется как конвергенция. Существует форма сумчатой мыши, существует землеройка, насекомоядное, и существует мышь-грызун, которая питается зёрнами. Если открыть рот мыши и рассмотреть форму её зубов, то сразу становится очевидно, для чего она предназначена: питаться зёрнами. А если открыть рот этой самой маленькой мышки с хоботком, землеройки, то мы увидим мелкие острые зубки насекомоядного, крошечного хищника. С таким строением она должна есть насекомых, просто обязана. И я возвращаюсь к данности. Данность — это то, что нам дано, можно сказать, свыше, и часто мы отличаемся редкостной неблагодарностью по отношению к тому, что имеем. Борьба с этим — пилить сук, на котором сидим. Если существует естественная религия, то она может быть только такой: чтить то, что нам было дано. Это такая же очевидность, как погода. Для меня фраза «идёт дождь» звучит как «аминь». В природе

существует творчество — на видовом уровне. Вид, если так можно выразиться, индивидуализирован. В многообразии видов нет хаоса, но есть некая устойчивость разновидностей, всё это — данности. Я думаю, если мы хотим осуществлять честный подход, то мы вынуждены быть эссенциалистами. Есть виды, значит, есть сущности. И эти сущности активны, они имеют свою продолжительность жизни. Виды возникают и гибнут, обычно они живут несколько миллионов лет, некоторые реликтовые виды — десятки, сотни миллионов лет. Можно говорить о видовом упорстве, настойчивости, о которой почти совершенно не размышляют в наше время, потому что мы живём в мире, где признаётся только теория Дарвина. Если довести эту теорию до логического конца, то останется только человек, который будет по своей воле решать, кому жить, кому умирать — совершенно произвольно и неправомочно.

— *Вернёмся к вашим годам учения. Расскажите, как учатся на ветеринаров во Франции?*

— Прошло уже так много времени... Получив аттестат о среднем образовании, я в течение двух лет официально готовился к конкурсу на поступление в Национальную ветеринарную медицинскую школу Мезон-Альфор. Пройдя по конкурсу, я учился ещё четыре года (сейчас студенты учатся пять лет). Подход был достаточно академичным. Например, анатомию мы изучали самым тщательным образом, теперь таких программ просто нет. Это была анатомия всех видов — не только основных домашних животных, собак и кошек, но также свиней, коров, кур и многих других.

— *Значит, вы можете вылечить любое животное?*

— Теоретически да, но на практике, к счастью, есть специализации, ведь многое забывается. Остаётся лишь общее представление о том, что нужно делать. Сегодня, мне кажется, упор делается на прикладную анатомию, предпочтение отдаётся практике. Другой пример — паразитология. Я был очень увлечён этой дисциплиной. Когда я готовился к конкурсу, я занимался биологией, сравнительной анатомией и сравнительной эволюцией. Но в паразитологии мне нравилась фундаментальная сторона, нужно было учиться ставить диагнозы. Должен сказать, что паразитов существует немало. И у них множество разновидностей. Мы изучали буквально каждый усик. Я был так увлечён этим предметом, что даже провалил сессию, не потому что недостаточно занимался, напротив, потому что принял эту дисциплину слишком близко к сердцу. Например, я сделал гигантскую таблицу, синопсис, по особой системе классификации, куда постарался вместить всех паразитов, с рисунками, это было настоящее произведение

искусства длиной в два метра! Работа была столь тщательной, что запомнить всё написанное я просто не успел. Зато мои товарищи, сдававшие экзамен позже, воспользовались этой таблицей и сдали прекрасно. То же самое было в фармакологии — тут меня очаровало строение молекул, их морфология. Я пытался запомнить всё наизусть, но для этого нужна феноменальная память, которой я не обладаю. В этом запоминании не было никакой практической пользы. В целом, во мне всегда проявлялась страсть к чистому познанию.

Что же касается практических занятий по той же анатомии — не знаю, как это происходит в России, но наш профессор был поэтом в душе. Казалось бы, какой поиск может быть в анатомии? Как только вы описали скелет, нервную, лимфатическую и сосудистую системы — всё, затем можно изменять терминологию, спорить о названиях, и ничего больше. Это очевидность. Что же тогда остаётся, как не поэтическое видение форм? И этот профессор почувствовал, предвосхитил мой созерцательный интерес, он предложил мне тему для диссертации (потому что по окончании курса мы должны написать довольно объёмное сочинение): «Воображаемое и животные формы». Мне действительно повезло встретить человека, с которым мы могли разделить эту любовь к формам, к разнообразию животных форм. Обычно ветеринарные дипломные работы — это нечто чрезвычайно конкретное, скажем: «Изучение объёма межклеточной жидкости у свиньи», на следующий год — то же самое, только речь идёт о корове, и так далее. Не думаю, что это всё приносит пользу фундаментальной науке. Но были и другие медицинские темы, очень практические, интересные. Моя же тема совершенно выпадала из общего потока. Мне хотелось понять, каким образом животные формы воздействуют на воображение человека. Я приносил своему профессору написанные главы, и профессор всегда меня поощрял: вперед, молодой человек! Я думаю, это было ему внутренне очень близко. Однако анатомия имела и практическую сторону — мы много занимались вскрытиями, работали с телами быков, коров... Этот аспект обучения давался мне тяжело, но что было делать? Нужно представить себе этот огромный зал, построенный специально в целях вивисекции в начале XIX, а может и в XVIII веке, — огромный амфитеатр, очень красивый, где находилось несколько огромных столов. Нас было десятеро вокруг одного тела животного: двое у головы, двое у шеи и так далее... Обычно это происходило зимой или ранней весной. Нам привозили очень старых, больных животных, мы должны были сами их усыплять. Это отдельная огромная тема — с эвтаназией в моей работе приходится сталкиваться постоянно.

— *Вернёмся к вопросам экологии. Татьяна Горичева, с которой вы общаетесь регулярно в Париже, говорит, что Вы следите за новыми научными публикациями, в том числе и на экологические темы. Можно ли сейчас говорить о движении вперёд, о росте?*

— О растущей пустыне?

— *Напротив, я хотела спросить, есть ли сегодня какие-то глобальные перспективы у экологического движения?*

— Конечно, когда случается катастрофа, с неизбежностью приходится искать выход. Хотя всё зашло слишком далеко. Это как в басне Лафонтена — глиняный горшок и чугунный котёл, неравная битва... Утилитарный подход имеет слишком большую власть в мире, его железная хватка не ослабевает. Это логика человеческого разума — её нельзя отделить от идеи научно-технического прогресса. Так называемый разум никогда не сдаёт своих позиций. Нами были обнаружены залежи каменного угля, нефти, мы начали их использовать, сжигать, за счёт этого притока энергии мы расплодились по планете, как бактерии в чашечке Петри. Процесс зашёл слишком далеко — здесь достаточно взять просто количество людей, всем нужно питаться, процесс питания должен быть рационализирован. Отчасти я согласен с продуктивистами, я не могу полностью поддерживать некоторые экологические идеи, но в то же время я думаю, что проблемы, вызываемые использованием техники, можно решить с помощью новых технологий. Я не считаю, что экологическая мысль сама по себе способна что-то принципиально изменить в политическом смысле, но зато она воздействует на сознание людей. Я сейчас даже не говорю о глубинной экологии, об Арне Нейссе и других, — там всё очень радикально, по их теориям нужно просто уничтожить человечество, чтобы природа могла свободно развиваться по своим законам. Конечно, это иногда соблазнительно, как в недавнем американском сериале «Утопия». Но всё это означает коллективное самоубийство. Хотя в каком-то смысле мы и идём к этому — я настаиваю на мысли, что существует инерция множественности, массы. Человечество, говоря цинично, представляет собой биомассу, которая всё время разрастается.

Я не думаю, что мы можем так просто обойтись без атомной энергии. Мягкими методами (солнечная энергия, ветряные мельницы) наши проблемы пока разрешить невозможно. Это связано с экономикой в целом. Часто экологи рубят с плеча, говоря, что без технических протезов можно обойтись. В нашей ситуации приходится ждать, чтобы технические проблемы были разрешены техническим же образом. Я не вижу другого способа глобального выхода на данный момент. Но на локальном уровне, мне

кажется, экологические движения могут многое, и в этом смысле я полностью их поддерживаю. Безусловно, нужно что-то делать (но это опять почти политический вопрос!) с гигантскими супермаркетами, которые уничтожают веками складывавшиеся тончайшие инфраструктуры экономической и культурной жизни.

Часто экологические движения берут на вооружение открытия биологии — наверняка, из самых лучших побуждений... Я сейчас думаю о французской политической партии зелёных. Теоретически истинная экология не должна иметь отношения к политике, к левым или правым, абсурдно связывать экологию с политическими ориентациями. Приведу один пример — активное использование некоторыми экологами сравнительно недавно разработанного понятия «биоразнообразие». Возможно, оно содействовало осознанию серьёзности ситуации на планете, но не думаю, что оно принципиально чему-то помогло. Сам термин «биоразнообразие» представляется мне порочным, потому что основан на количественном принципе. Самый первый опыт по определению так называемого «биоразнообразия» — я бы назвал это скорее «изобилием», «пышностью» или «преизбытком» видов, в этом было бы больше смысла и поэзии! — был поставлен в Амазонии. Отмерили один гектар амазонского леса, расстелили тент под деревьями и над этой территорией распылили значительное количество ядохимиката (в то время это был ДДТ). Мёртвые маленькие животные и насекомые попадали вниз, а учёные собрали их и подсчитали. Мне это кажется совершенно чудовищным, вспоминается эпизод из фильма Миядзаки «Принцесса Мононоке», когда вместе с лесом гибнут, падают, осыпаются как листья волшебные существа, его населявшие. Вот откуда пришло понятие «биоразнообразия». Совсем недавно французскими биологами была организована экспедиция во Французскую Гвиану, в удалённый регион, тоже с целью изучить местное «биоразнообразие». Я предпочитаю просто знать, что существует этот цветущий, переливающийся всеми красками тропический лес, и вообще те леса, которые в античные времена именовали «священными рощами», нежели иметь точный реестр обитающих там существ. Только наше благоговейное, религиозное отношение может по-настоящему способствовать охране этого леса!

Париж, август 2015